

DOI 10.18522/2500-3224-2024-2-192-201

УДК 930.85

ИСТОРИЯ ЭМИГРАЦИИ: УНИКАЛЬНОЕ И ТИПИЧНОЕ В ФЕНОМЕНЕ МАССОВОГО ИСХОДА

Герасимов Николай Игоревич

Дом русского зарубежья им. Александра Солженицына,

Москва, Россия

nickgerasimow@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются дискуссионные вопросы, связанные с феноменом эмиграции и феноменом исхода как массовой эмиграции, который исторически был связан с серией катастрофических событий, вызванных глобальным сломом прежних традиций и норм (революция, война и т.д.). Исторические и социологические исследования позволяют говорить о миграционных процессах как об отражении глобальных цивилизационных явлений (кризис международного права, кризис национальных государств и т.д.). Автор статьи с опорой на богатую историю массовых исходов XX в. отстаивает тезис — эмиграция является типичным явлением, которое наблюдается во всем мире, однако говорить об общих алгоритмах миграционных процессов невозможно. Когда мы анализируем каждый случай эмиграции, мы всегда имеем дело с большим количеством культурных и политических обстоятельств, которые по своей природе уникальны и исторически обусловлены. Современный исследователь имеет дело с разными культурами эмигрантов, а не с эмиграцией как чем-то культурно универсальным, типичным. Вместе с тем справедливо заметить, что в ситуации, когда исход обусловлен масштабным государственным кризисом, многие его свойства становятся универсальными и типичными (характер психологических переживаний беженцев, скорость самого потока миграции и т.д.).

Ключевые слова: эмиграция, русская эмиграция, исход, революция, русская диаспора, русское зарубежье, русская философия, русский фашизм.

Цитирование: Герасимов Н.И. История эмиграции: уникальное и типичное в феномене массового исхода // Новое прошлое / The New Past. 2024. № 2. С. 192–201. DOI 10.18522/2500-3224-2024-2-192-201 / Gerasimov N.I. History of Emigration: the Unique and Typical in the Phenomenon of Mass Exodus, in Novoe Proshloe / The New Past. 2024. No. 2. Pp. 192–201. DOI 10.18522/2500-3224-2024-2-192-201.

© Герасимов Н.И., 2024

HISTORY OF EMIGRATION: THE UNIQUE AND TYPICAL IN THE PHENOMENON OF MASS EXODUS

Gerasimov Nikolay I.

Alexander Solzhenitsyn's House of Russian Abroad,
Moscow, Russia
nickgerasimow@yandex.ru

Abstract. The article deals with the discussion issues related to the phenomenon of emigration and the phenomenon of exodus as mass emigration, which historically has been associated with a series of catastrophic events caused by the global breakdown of previous traditions and norms (revolution, war, etc.). Historical and sociological studies allow us to talk about migration processes as a reflection of global civilizational phenomena (crisis of international law, crisis of nation-states, etc.). The author relying on the rich history of mass exoduses of the 20th century defends the thesis – emigration is a typical phenomenon that is observed all over the world, but it is impossible to talk about general algorithms of migration processes. When we analyze each case of emigration, we always deal with many cultural and political circumstances, which by their nature are unique and historically conditioned. The contemporary researcher deals with different cultures of emigration rather than with emigration as something culturally universal and typical. At the same time, it is fair to note that in a situation where the exodus is conditioned by a large-scale state crisis, many of its properties become universal and typical (the nature of refugees' psychological experiences, the speed of the migration flow itself, etc.).

Keywords: emigration, Russian emigration, exodus, revolution, Russian diaspora, Russian abroad, Russian philosophy, Russian fascism.

Специфические «волны» эмиграции происходили нередко в отрыве от глобальных потрясений. Обратив свой взор в сторону социологических исследований миграции, мы обнаружим поразительное многообразие исторических обстоятельств, которые «активировали» эти явления. В том, что люди массово покидают страну, легче найти различия, чем сходства. Справедливо говорить о разных культурах эмиграции. Например, в 1912 г. китайско-американский социолог П. Лин (Ling) выяснил, что причины, побуждающие людей покинуть свою страну, сильно разнятся в зависимости от того, говорим мы о Европе или Азии [Ling, 1912, pp. 74–76]. В частности, из Китая в 1890–1910 гг. люди большими социальными группами покидали страну, переезжая в Европу и США, прежде всего в надежде получить работу, за которую им будут платить больше, чем на родине (в США в те годы была огромная потребность в рабочих руках в связи с развитием системы железных дорог и модернизацией в сфере металлургии). Эти потоки трудовой эмиграции исходили из отдельных регионов, а не из Китая как единого целого. В Западной Европе сильнейшим фактором эмиграции (в тот же исторический период) были политические репрессии и религиозные конфликты. Поток эмигрантов из европейской страны, как правило, не зависел от региона. В Российской империи сильнейший фактор эмиграции — это не только политические репрессии и религиозные конфликты, но и еврейские погромы. Последнее обстоятельство и вовсе позволило родиться такому явлению, как трудовая русско-еврейская диаспора в США [Horowitz, 2013, pp. 17–35]. Сила эмиграционных процессов в этот период была высокой во многих странах, хотя никакой глобальной социально-политической катастрофы не происходило (при том, что шли войны, власть во многих странах тоже менялась).

В ситуации коллапса существующее явление многократно усиливается, хотя и вызывается другими причинами. Массовый исход не возникает на пустом месте, а является продолжением уже сложившейся культуры эмиграции (например, некоторые русские революционеры до и после 1917 г. использовали одни и те же личные связи для организации своих передвижений из Российской империи в США, из США в РСФСР и из РСФСР в США)¹. Безусловно, исход предполагает качественно новый уровень причин, побуждающих людей покинуть страну (распад государства, война, революция, приход к власти радикальных политических сил и т.д.). В таком случае национальная специфика эмиграционных процессов, как показывают исторические штудии, стремительно снижается. Уже здесь можно говорить о неких универсальных свойствах. Говорим ли мы тут о геноциде армян в Османской империи и Армении в 1915–1928 гг. [Пеньковский, Аратюнян, 2015], о революционных событиях 1917 г. в России с последующей Гражданской войной в 1918–1922 гг. или о политических репрессиях в Третьем Рейхе в 1930-е гг. — одни люди бегут от угрозы погибнуть, других власти депортируют насильственно, но во всех случаях присутствуют схожие психологические переживания у социальных групп огромной численности (прежде всего, переживания, связанные с потерей

¹ Например, революционер и эмигрант С.М. Стоцкий (1889–1951) [Анархистские движения, 2021, с. 774]

прежнего уклада вещей). Однако и тут есть разница. И для исхода армян, и для исхода бывших подданных Российской империи была предпринята единая европейская кампания по разработке юридической базы для беженцев, результатом которой стал Нансеновский паспорт [Пеньковский, Аратюнян, 2016; Баркова, 2017]. Немцы не могли надеяться на такой гуманизм, т.к. их случай с юридической точки зрения не рассматривался как глобальное потрясение [Левин, 2010].

В мировой истории еще до рубежа XIX–XX вв. были события, которые приводили к тому, что сперва европейские, а потом и азиатские цивилизации вступали в новую эру, когда правовые и моральные нормы эмиграции претерпевали изменения. Да, эти события обязательно провоцировали не только тектонические сдвиги в области политики, культуры и морали, но и новый исход, массовое бегство из страны. Самый яркий пример: Французская революция 1789–1799 гг., в результате которой разные слои общества, прежде всего аристократы, хаотично покидали страну в надежде получить политическое убежище в других государствах [Kramer, 2022]. Российская империя всегда позиционировала себя на мировой арене как страна, которая стоит на страже монархических традиций. Русское правительство охотно принимало у себя эмигрантов из Франции [Coker, 2020, pp. 47–76].

Однако именно с конца XIX в. — и особенно в начале XX столетия — социальная мобильность во всем мире многократно возросла. Революции 1848–1849 гг. потрясли Европу, но их последствия не оформились в целостный феномен массового исхода. События же XX в. создали алгоритм психологической реакции людей на вызовы, которые бросает история: если происходит что-то ужасное, от этого нужно бежать. Возникает вопрос: почему французы не бежали так массово из страны после отречения короля Луи-Филиппа I? Только лишь потому, что сама культура эмиграции (правовая, моральная и т.д.), которая сложилась к концу XIX в., еще «не созрела» и уровень социальной мобильности был еще крайне низким? Нет. В XX в. произошло то же, что и в 1789–1799 гг.: помимо фундаментальных изменений в культуре и политике, террор стал универсальным средством решения социальных конфликтов. В XVIII в. этим была отмечена одна только Франция, в начале XX в. к ней присоединились Россия, Османская империя и Армения, к 1930-м гг. — Германия. Государственный террор и высокая социальная мобильность — два фактора, определявшие алгоритмы массовых исходов, массовых эмиграций в ответ на те процессы, которые происходили в мировой истории. Также важно помнить, что массовый исход предполагает, что события развиваются очень быстро. В 1914–1917 гг. французы покидали страну, но это был не «бег» [Horne, 1985]. По сравнению, например, с феноменом Русского исхода 1920 г., когда помимо частей армии генерала Врангеля эвакуировались также и гражданские лица, французы покидали дома поступательно, лучше взвешивая свое решение, потому что сами по себе события не были настолько быстрыми.

Массовая эмиграция всегда связана с социальной хаотизацией — люди ищут способ найти убежище в стране, где по отношению к ним не всегда разработана необходимая юридическая и социально-экономическая база. Эмигранты, как правило,

решают свои насущные дела в индивидуальном порядке. Исходные условия у каждого из них очень разные, даже в пределах одной социальной группы. Представители одной и той же профессиональной эмигрантской ассоциации (например, Русская академическая группа в США) часто обладали разным уровнем материального достатка и политического капитала, поэтому трудности одного ученого-эмигранта могли пересекаться с трудностями другого ученого-эмигранта лишь отчасти. Например, Б.А. Бахметьев, один из основателей Русской академической группы в США, начал свой путь эмигранта с огромным политическим капиталом. В 1917 г. Временным правительством он был назначен «начальником чрезвычайной российской миссии в США» [Даниленко, 2010, с. 356]. Разумеется, в последующем, когда Временное правительство пало в результате октябрьских событий, а сам Бахметьев стал эмигрантом, отношение американских властей к нему было особым. Никто из его коллег даже близко не обладал теми знакомствами и финансовыми ресурсами, которые были у него. По судьбе Бахметьева вряд ли можно судить о судьбе других ученых-эмигрантов, тем более видеть в его биографии отражение истории русского общества в целом. Это часть отражения, да, но лишь небольшой фрагмент.

Эмигранты всегда несут в себе национальный культурный код. Он может выражаться по-разному: как в повседневности, так и в интеллектуальной культуре. Диаспора нередко становится источником тесного культурного диалога с тем обществом, внутри которого существует. Некоторым русским философам во Франции повезло встать у истоков крупнейших интеллектуальных течений. Например, Н.А. Бердяев и Л.И. Шестов привлекли к себе внимание Э. Мунье и Ж. Маритена [Герасимов, 2019, с. 72–76; Ворожихина, 2016]. Диалог между русскими и французскими мыслителями привел сперва тому, что в 1930 г. на свет появился философский персонализм, а в последующем и экзистенциализм. Впрочем, известны случаи, когда эмигранты намеренно разрывали свою связь с национальной почвой, желая как можно сильнее раствориться в культуре той страны, где они нашли для себя новый дом. Хороший пример: Г.Д. Гурвич, социолог права, преподаватель Русского юридического факультета в Праге (1922–1929) в 1929 г. получил французский паспорт, переехал в Париж, и уже к 1935 г. стал подписывать свои работы как «Georges Gurvitch» [Герасимов, 2017]. Стратегии поведения у всех были очень разными. Кто-то, как Бердяев и Шестов, хотел выстраивать диалог посредством столкновения своего национального кода с культурной традицией, которая существовала в стране, где им дали убежище. Кто-то, как Гурвич, работал в контексте общемировой научной культуры, не стремясь подчеркивать свою этническую идентичность.

Глобальные исходы подтолкнули человечество к более интенсивному международному сотрудничеству. До начала XX в. границы колониальных норм были крепки. Европейские метрополии хоть и были подвержены внутренним социальным противоречиям, но эти конфликты не приводили к слому существовавшего цивилизационного порядка. Исходы, волны массовой эмиграции, вызванные глобальными

потрясениями, привели к тому, что диаспор в каждой стране стало так много, что говорить о национальном государстве становилось все труднее и труднее. Национализм пытался преодолеть эти процессы посредством усиления дихотомии «свой-чужой». Он пытался отстоять принцип культурного диалога, при котором нации обогащали бы друг друга новыми знаниями, но не приводили к транснациональным явлениям (в 1940–1950-е гг. философы Франкфуртской школы введут понятие «массового общества»). В итоге этот принцип усугубил ксенофобию и обострил все этнические конфликты. На свет появился фашизм.

Фашизм в 1920–1930 гг. очаровывал тем, что обещал защитить прежние устои любой ценой. Он создавал новую нормативную базу, новую этику ценой разрыва с гуманистическими идеалами. Это касается не только правительственного фашизма, но и фашизма, который господствовал в среде эмигрантов. Например, далеко не все спасшиеся от большевистского террора русские беженцы были готовы выстраивать диалог с мировым сообществом, руководствуясь гуманистической этикой, предполагающей равноправие и единство всех людей, независимо от их национальной принадлежности. В 1931 г. в Харбине русскими эмигрантами была создана Всероссийская фашистская партия (ВФП). Руководство партии готовилось к конфронтации с японскими властями. К тому времени Япония успела создать марионеточное правительство Маньчжоу-Го, добиться геополитического влияния в странах Азии и диктовать свою волю, свои условия, правила, законы. Однако, на удивление, японские милитаристы и русские фашисты смогли найти общий язык — в том числе через неприятие гуманизма и глобалистских тенденций, которые уже намечались к тому времени [Захаров, 2020]. Всероссийская фашистская партия не была притеснена. Фашистские группы и партии в 1920–1930-е гг. создавались по всему миру, почти во всех странах. Дело не только в угрозе со стороны большевистского коммунизма, как это часто полагают. Дело в том, что мир демократических стран не справлялся вызовами истории. Массовые исходы показали, что мир слаб, что мир не способен преодолеть все накопившиеся противоречия в области международного права и международной политики. Фашизм предлагал модель мира, в котором сильные национальные государства выработают жестокие, но эффективные решения всех проблем [Сох, 2011]. Люди, верящие в фашизм, полагали, что эта идеология сможет решить множество проблем.

Социальные и политические катастрофы в принципе ведут к поляризации многих явлений (в культуре, политике, экономике и т.д.), а массовые исходы всегда бросают человеческой цивилизации вызов — справятся ли люди в принятии друг друга, будет ли выработана какая-то система сдержек и противовесов, которая будет способна побороть ксенофобию, или нас ждет череда жестоких конфликтов, приводящих к насилию как единственному способу решения проблем. Сейчас антиэмигрантские настроения в обществе — козырь в руках правых радикалов.

Пока можно зафиксировать лишь один универсальный тезис по поводу эмиграции — независимо от того, о каком историческом периоде мы говорим, люди склонны покидать страну, когда им живется плохо, когда они боятся за свою жизнь.

Отрицательные причины могут быть очень разными: война, революция, голод, политические репрессии. Положительные причины, как правило, сводятся к одному — люди узнают, что в мире есть место, где, как им кажется, они будут жить лучше, чем у себя на Родине. Когда мы говорим об исходах, то закономерно приходим к выводу, что отрицательные причины эмиграции в основном играют куда большую роль, чем положительные.

Однако не всегда можно уехать оттуда, где плохо, туда, где хорошо. В зависимости от эпохи и специфики государства важнейший фактор, определяющий характер эмиграции — государственные границы. Если границы де-факто отсутствуют, а в стране хаос, террор и голод — поток эмигрантов будет огромным. Если террор и голод есть, а границы охраняются, то эмиграции может и не быть. Поток эмигрантов из СССР в 1920-е гг. был огромным. В 1930-х гг. он стремительно сходил на нет. Война — тоже фактор эмиграции. В первую очередь по той причине, что война разрушает прежний порядок государственных границ. Вторая массовая волна эмиграции из СССР совпадает с катастрофическим периодом 1941–1945 гг. Третья волна связана с послаблениями в отношении советской миграционной политики в период 1960–1980-х гг. Эта волна была легальная, упорядоченная, ее трудно связать с булгаковским «бегом». Четвертая волна эмиграции, начавшаяся в 1991 г. после крушения СССР — вновь легальная, но уже в атмосфере открытых границ [Пальников, 2013]. Она проясняет важнейшую специфику эмиграции из СССР. Люди, покидавшие страну, совершали экзистенциальный выбор (о депортированных же так сказать трудно, потому что это был не их выбор, а выбор властей). Они понимали, что обратно могут никогда не вернуться. Эмигранты 1990-х гг. не совершали никакого экзистенциального выбора. Они могли уехать, вернуться и снова уехать, не соприкасаясь ни с какими философскими проблемами.

В эмиграционных процессах больше специфического, чем универсального. Каждая массовая эмиграция — отражение конкретных проблем в конкретных обществах. Эти проблемы могут быть глобальными, они могут быть связаны с катастрофами мирового масштаба, но в них всегда будет больше уникального, чем типичного.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Анархистские движения России и Русского Зарубежья: Документы и материалы. 1922–1941 гг. Сост. Д.И. Рублев. М.: Политическая энциклопедия, 2021. 807 с.

Баркова О.Н. Модель правой адаптации российских эмигрантов «Первой после-революционной волны» в Германии: к вопросу о закреплении принципа особого положения *Sui Generis*. 1917–1939 годы // *Вестник Московского университета*. Серия 26: Государственный аудит. 2017. № 4. С. 87–95.

Ворожихина К.В. Лев Шестов и его французские последователи. М.: ИФРАН, 2016. 157 с.

Герасимов Н.И. Николай Бердяев, 1874–1948. М.: Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2019. 96 с.

Герасимов Н.И. Русский юридический факультет в Праге // *Финиковый компот*. 2017. № 1. С. 136–141.

Даниленко О.С. Бахметевский архив: история создания, основные коллекции, современное состояние // *Документ. Архив. История. Современность*. 2010. № 11. С. 352–354.

Захаров А.А. Генезис и особенности развития Всероссийской фашистской партии // *Великая Отечественная война в памяти поколений. Сборник материалов международной научно-практической конференции*. Под ред. Д.П. Самородова. Стерлитамак: Башкирский государственный университет, Стерлитамакский филиал. 2020. С. 133–140.

Левин В.И. Наука в Германии при нацистах // *Вестник Тамбовского государственного технического университета*. 2010. Т. 16. № 1. С. 199–204.

Пальников М.С. Четвертая волна эмиграции: особенности и последствия // *Русское зарубежье: история и современность*. Вып. 2. М.: ИНИОН РАН, 2013. С. 253–376.

Пеньковский Д.Д., Арутюнян А.С. Помощь гуманитарных организаций в правовой адаптации армянских беженцев во Франции (1918–1938 гг.) // *Вестник Национального Института Бизнеса*. 2016. № 25. С. 84–92.

Пеньковский Д.Д., Арутюнян А.С. Эмиграция армянского населения из Турции и Армении в страны Европы в 1915–1928 гг. // *Власть*. 2015. № 8. С. 196–200.

Coker A. *Russia's French Connection: A History of the Lasting French Imprint on Russian Culture*. New York: Routledge, 2020. 370 p.

Cox O. Race Prejudice, Class Conflict, and Nationalism // *Race/Ethnicity: Multidisciplinary Global Contexts*. 2011. Vol. 4. No. 2. Pp. 169–182.

Horne J. Immigrant workers in France during World War I // *French Historical Studies*. 1985. Vol. 14. No. 1. Pp. 55–88.

Horowitz B. *Russian Idea—Jewish Presence: Essays on Russian-Jewish Intellectual Life. Essays on Russian-Jewish Intellectual Life (Borderlines: Russian and East European-Jewish Studies)*. Boston: Academic Studies Press, 2013. 270 p.

Kramer L. Émigrés and Migrations during the French Revolution: Identities, Economics, Social Exchanges, and Humanitarianism // *Historical Reflections*. 2022. Vol. 48. No. 3. Pp. 1–8.

Ling P. Causes of Chinese Emigration // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. Vol. 39. China: Social and Economic Conditions, 1912. Pp. 74–82.

REFERENCES

- Anarkhistskie dvizheniya Rossii i Russkogo Zarubezh'ya: Dokumenty i materialy. 1922–1941 [Anarchist Movements in Russia and the Russian Diaspora: Documents and Materials. 1922–1941]. Ed. by D.I. Rublev. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya, 2021. 807 p. (in Russian).
- Barkova O.N. Model' pravoï adaptatsii rossiiskikh emigrantov «Pervoi poslerevolutsionnoi volny» v Germanii: k voprosu o zakreplenii printsipa osobogo polozeniya Sui Generis. 1917–1939 gody [The Model of Right Adaptation of Russian Emigrants of the «First Post-Revolutionary Wave» in Germany: Toward the Establishment of the Principle of Special Sui Generis Status. 1917–1939], in Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 26: Gosudarstvennyi audit. 2017. No. 4. Pp. 87–95 (in Russian).
- Vorozhikhina K.V. Lev Shestov i ego frantsuzskie posledovateli [Leo Shestov and his French followers]. Moscow: IFRAN, 2016. 157 p. (in Russian)
- Gerasimov N.I. Nikolai Berdyaev, 1874–1948. [Nikolay Berdyaev, 1874–1948]. Moscow: Dom russkogo zarubezh'ya imeni Aleksandra Solzhenitsyna, 2019. 96 p. (in Russian).
- Gerasimov N.I. Russkii yuridicheskii fakul'tet v Prage [Russian Faculty of Law in Prague], in Finikovyi komp. 2017. No. 1. Pp. 136–141 (in Russian).
- Danilenko O.S. Bakhmetevskii arkhiv: istoriya sozdaniya, osnovnye kollektzii, sovremennoe sostoyanie [Bakhmetev Archive: history of creation, main collections, current status], in Dokument. Arkhiv. Istoriya. Sovremennost'. 2010. No. 11. Pp. 352–354 (in Russian).
- Zakharov A.A. Genezis i osobennosti razvitiya Vserossiiskoi fashistskoi partii [Genesis and peculiarities of development of the All-Russian Fascist Party], in Velikaya otechestvennaya voina v pamyati pokolenii. Sbornik materialov mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii [The Great Patriotic War in memory of the generation. Collection of materials of the international scientific and practical conference]. Ed by D.P. Samorodova. Sterlitamak: Bashkirskii gosudarstvennyi universitet, Sterlitamaskii filia, 2020. Pp. 133–140 (in Russian).
- Levin V.I. Nauka v Germanii pri natsistakh [Science in Germany under the Nazis], in Vestnik Tambovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. 2010. Vol. 16. No. 1. Pp. 199–204 (in Russian).
- Pal'nikov M.S. Chetvertaya volna emigratsii: osobennosti i posledstviya, in Russkoe zarubezh'e: istoriya i sovremennost' [The fourth wave of emigration: peculiarities and consequences]. Vol. 2. Moscow: INION RAN. 2013. Pp. 253–376 (in Russian).
- Pen'kovskii D.D., Arutyunyan A.C. Pomoshch' gumanitarnykh organizatsii v pravovoi adaptatsii armyanskikh bezhentshev vo Frantsii (1918–1938 gg.) [Assistance of humanitarian organizations in the legal adaptation of Armenian refugees in France (1918–1938)], in Vestnik Natsional'nogo Instituta Biznesa. 2016. No. 25. Pp. 84–92 (in Russian).
- Pen'kovskii D.D., Arutyunyan A.C. Emigratsiya armyanskogo naseleniya iz Turtsii i Armenii v strany Evropy v 1915–1928 gg. [Emigration of the Armenian population from Turkey and Armenia to European countries in 1915–1928], in Vlast'. No. 8. 2015. Pp. 196–200 (in Russian).

Coker A. Russia's French Connection: A History of the Lasting French Imprint on Russian Culture. New York: Routledge. 2020. 370 p.

Cox O. Race Prejudice, Class Conflict, and Nationalism, in Race/Ethnicity: Multidisciplinary Global Contexts. 2011. Vol. 4. No. 2. Pp. 169–182.

Horne J. Immigrant workers in France during World War I, in French Historical Studies. 1985. Vol. 14. No. 1. Pp.55–88.

Horowitz B. Russian Idea--Jewish Presence: Essays on Russian-Jewish Intellectual Life. Essays on Russian-Jewish Intellectual Life (Borderlines: Russian and East European-Jewish Studies). Boston: Academic Studies Press, 2013. 270 p.

Kramer L. Émigrés and Migrations during the French Revolution: Identities, Economics, Social Exchanges, and Humanitarianism, in Historical Reflections. 2022. Vol. 48. No. 3. Pp. 1–8.

Ling P. Causes of Chinese Emigration, in The Annals of the American Academy of Political and Social Science. China: Social and Economic Conditions. 1912. Vol. 39. Pp. 74–82.

Статья принята к публикации 19.04.2024